НЕДОВѢСОКЪ КЪ СТАТЬѢ: ПОЛТОРА СЛОВА О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Прислушиваясь къ суду и мнѣніямъ по поводу напечатанной въ Москвитянинѣ статейки о Русскомъ языкѣ, сочинителю ея показалось, что надобно дѣло то еще немного пояснить и поразобрать; можетъ быть, по обоюдной винѣ, вышли кой–какія недоумѣнія, сомнѣнія, и чуть ли не кривотолки. Спасибо добрымъ и благомыслящимъ людямъ, которые судили и рядили о статьѣ этой съ участіемъ, принимали дѣло къ сердцу, говорили на–распашку и по убѣжденію; насильно милъ не будешь, противъ вѣры, вѣры не имется, вопреки убѣжденія согласиться нельзя. Потолковать однако, если дѣло того стоитъ, и можно и должно; авось либо тутъ, либо тамъ, искорка правды найдется — въ потемкахъ и то ладно; — авось люди

раздуютъ ее, разложатъ огонекъ, и погрѣются и засвѣтятъ свѣчу.

— Вотъ что случилось намъ слышать по поводу этой статьи:

1–е. Статья написана слишкомъ самоувѣренно и рѣзко; сочинитель вдался въ крайность; не много ли онъ беретъ на себя, увѣряя насъ всѣхъ въ глаза, что мы не знаемъ по–Русски?

2–е. Правда, что языкъ нашъ искаженъ, что искажается со дня на день болѣе, но изучать должно его изъ древнихъ и старинныхъ книгъ и лѣтописей; простонародный языкъ можетъ только служить иногда вспомогательнымъ средствомъ.

3–е. Не должно вовсе изучать простонароднаго языка: онъ грубъ, не обработанъ, а притомъ и состоитъ еще *весь* изъ областныхъ нарѣчій, которыя могутъ только развѣ служить порчею образованнаго языка.

4–е. Нельзя и не должно изгонять принятыхъ однажды иноземныхъ словъ; безъ нихъ намъ не обойтись: иначе должно

сослать ихъ въ ссылку поголовно, и тогда не станетъ у насъ ни *кушака*, ни *шандала*, ни *лошади*. Нельзя и не должно вводить слова народныя, потому что никто насъ не будетъ понимать.

5–е. Грубый и необразованный языкъ всегда долженъ совершенствоваться по образцамъ языковъ, достигшихъ уже высшей степени образованія; по–этому и самый складъ и слогъ нашъ должны переработаться по слогу и складу иноземному.

6–е. Языкъ долженъ, вмѣстѣ съ общимъ образованіемъ, итти впередъ, а не назадъ; что сдѣлано доселѣ — все хорошо, все благо, все это совершенствуетъ языкъ; продолжайте, но вспять не ходите: переработать языкъ по образцу языка простонароднаго, значитъ воротиться назадъ.

7–е. Языкъ не математика; намъ нечего заботиться о совершенствованіи его: это дѣлается само собою. Языкъ всегда развивается соразмѣрно потребностямъ вѣка и образованности; и такъ, какъ бы ни

пошло дѣло, — не наша забота, мы не въ силахъ измѣнить тутъ ни волоска.

Напередъ всего, попрошу искренно доброхотнаго читателя не гнѣваться; слово сказано было къ добру, а не къ худу; коли рѣчь моя показалась вамъ зазорною, коли я, можетъ статься, не съумѣлъ выразиться посходнѣе, такъ примите къ сердцу сущность, смыслъ, а не ковычку; обсудите прямую мѣту статейки моей и сердце у васъ отляжетъ. Разберемъ не горячась, что я сказалъ и сдѣлалъ. Я сталъ съ хвоста въ одну со всѣми ширенгу и на спросъ общей нашей родины: «А каково, дѣтки, у васъ даръ небесный, словесная рѣчь живетъ?» я отвѣчалъ за всѣхъ — можетъ быть и выскочкой: — «Виноваты, матушка, косноязычны маленько». Какъ такъ? Да вотъ какъ дѣло сталось: ушли мы–было впередъ, да и поотстали; голова одна, руки, ноги однѣ, подошла крутая пора, что нельзя было не догонять сосѣдей; такъ мы отъ своего шестка поотшатнулись и стало дома маленько не здорово: за одинъ разъ и тутъ и тамъ не управились. Дай только срокъ,

изворотимся: пойдетъ у насъ и этотъ даръ твой изъ роднаго соку и корня; былъ бы лутошникъ, будетъ и липнякъ — а ужь нашего уходу за нимъ станетъ, будетъ онъ у насъ заповѣднымъ, рубки въ немъ не будетъ, и заглохнуть ему не дадимъ, а будетъ одна только подчистка, да уборка.»

Что же, дѣло сказалъ я или нѣтъ? Вы говорите: можетъ статься и дѣло, да у тебя не тотъ порядокъ лѣснаго хозяйства въ головѣ; ты хочешь дождаться лѣсу, отъ своихъ, доморощенныхъ сѣмянъ, да отъ корневыхъ порослей! эта долга пѣсня, да и не стоитъ хлопотъ; и лѣсъ нашъ не годится супротивъ другаго — бери готовый, хоть и чужой, что нужды? бери да сажай, благо даютъ.»

Но на такой отвѣтъ надобно показать тѣмъ изъ пріятелей супротивниковъ нашихъ, которые стало–быть проштыкнулись, что мы еще покуда не сбиты съ кону, а въ сѣдлѣ, въ полномъ ратномъ облаченіи своемъ, и что даже полоса наша безъ единой зазубрины.

Рѣзко написалась статья наша потому вѣроятно, что въ ней большая правда — о которой не мы поговорку по свѣту пустили; — а можетъ быть и потому еще, что писателю хотѣлось отвести душу на–прямикъ, что объѣзжать околицами, да изъясняться обиняками, показалось тутъ вовсе не кстати. Впрочемъ, ни однимъ словомъ не хотѣлъ онъ указать на кого бы то ни было, а стригъ всѣхъ — и себя въ томъ числѣ — подъ одну гребенку. Рѣчь шла не о томъ, кто получше и кто похуже пишетъ, а о томъ, что языкъ, каковъ онъ ни есть промежъ насъ, не годится. Мѣрило наше умственное, языкъ и слогъ Русскій, о коихъ мы говорили, можно только предугадывать, искать по убѣжденію, но нельзя указывать на него въ примѣръ и образецъ однимъ и въ поношеніе другимъ, потому что этого языка и слога еще нѣтъ. Спрашиваю, кому же можетъ быть обидно, что онъ не умѣетъ писать такимъ языкомъ, котораго еще нѣтъ на–свѣтѣ? Даже и создать отъ себя его не можетъ никто, потому что языкъ есть вѣковой трудъ

цѣлаго поколѣнія — иначе изобрѣтателю пришлось бы разговаривать едва ли не съ самимъ собою; только общими силами, общимъ стараніемъ и единодушнымъ стремленіемъ къ признанной всѣми цѣли, изученіемъ и приноровкой своеобычій языка къ письму нашему, можно со–временемъ достигнуть того, что у насъ будетъ самостоятельный, могучій и вполнѣ обработанный языкъ.

Во всякомъ новомъ дѣлѣ крайности неизбѣжны; станется, что и тутъ было не безъ того. Но изъ крайности той можетъ вытти со–временемъ что нибудь путное — изъ посредственности же никогда и ничего не выйдетъ. Стужа обращаетъ воду въ ледъ, жаръ перегоняетъ ее парами — а лѣтняя водица ни тепла, ни холодна и не даетъ вамъ ни самородныхъ ледяныхъ мостовъ, ни изумительныхъ пароходовъ: только посторонняя сила, весло и парусъ, могутъ насъ подвинуть съ мѣста. Нуль всегда нуль, и въ математикѣ, и на тепломѣрѣ, и въ словесности.

Я смотрю на языкъ простонародный, какъ на главный запасъ, и назвалъ старинныя книги и рукописи средствами вспомогательными; а мнѣ говорятъ: нѣтъ, наоборотъ, письменный языкъ предковъ нашихъ долженъ быть для насъ главнымъ самоучителемъ, а языкъ простонародный развѣ только вспомогательнымъ источникомъ. Стало быть и моя правда, и ваша правда; кто гдѣ больше найдетъ, тотъ тамъ и больше возьметъ, для того тотъ или другой рудникъ будетъ богаче. Одного на все не станетъ, разработывай всякъ золотоносный пластъ, гдѣ, ударивъ турфъ, нашелъ его; больше будетъ тамъ, гдѣ кто больше найдетъ.

Но другіе говорятъ вотъ что: мужицкаго языка перенимать не должно; это порча, да притомъ онъ и весь состоитъ изъ областныхъ нарѣчій.

Въ своемъ дѣлѣ мудрено быть судьей, а изъ насъ каждый отстаиваетъ свое. Мудрено иногда столковаться съ хорошимъ, умнымъ человѣкомъ, да о дѣлѣ для него непонятномъ или малодоступномъ. Я

смолоду затвердилъ, что риторика учитъ насъ писать краснорѣчиво; чтобы понять, что риторика хвастаетъ и никого и никогда этому не выучила, мнѣ надобно усвоить себѣ новыя понятія, взглянуть на предметъ совсѣмъ съ иной точки, чѣмъ я привыкъ смотрѣть доселѣ. Я зубы съѣлъ и посѣдѣлъ надъ врачебнымъ искусствомъ школьнаго начала; чтобы убѣдиться въ не менѣе, или болѣе истинныхъ ганемановскихъ началахъ, мнѣ нужно много опыта и много размышленія. Живучи вѣкъ въ столицѣ, и особенно въ сѣверной столицѣ нашей — нельзя, не возможно познакомиться коротко съ простонароднымъ языкомъ; тѣмъ менѣе можно его себѣ усвоить и положительно объ немъ судить. Все что для насъ ново, о чемъ мы никогда не думали, не помышляли, все это для насъ и дико и странно. Кто не опознался еще на какомъ–либо поприщѣ, тому, и при благомъ стремленіи, темно всюду, гдѣ нѣтъ ни солнца, ни свѣчи. Товаръ безъ почину — недотрога, говорятъ наши купцы; и вотъ почему имъ дорогъ починъ. И такъ, кто

никогда самъ собою не убѣждался въ необходимости изучать языкъ народный, тому статья наша поневолѣ покажется кваснымъ патріотизмомъ, безпутной натяжкой. Но, господа, я берусь изобличить и поймать съ поличнымъ большую часть изъ видимыхъ супротивниковъ нашихъ, въ томъ, что они слѣдовали иногда — хотя и безсознательно — тѣмъ началамъ, о коихъ мы заговорили вслухъ и гласно; безсознательно принимали они тутъ и тамъ выраженіе или оборотъ простонародный, не давъ себѣ въ этомъ можетъ быть положительнаго отчету. Вотъ вамъ лучшее доказательство, что въ статьѣ нашей есть смыслъ; и наоборотъ, разобравъ хорошенько, съ отстраненіемъ всякаго себялюбія, не–Русскія слова и обороты свои, вы поневолѣ добросовѣстно признаетесь, что обмолвились, что то или другое выражено не хорошо, хотя мы на первый случай самдругъ или самтретей не всегда можетъ быть пріищемъ вскорѣ что нибудь получше.

Перенимать простонароднаго языка, замѣнять имъ безусловно нынѣшній письмовный языкъ нашъ не должно; этого сочинитель статьи *полтора–слова* никогда и нигдѣ не говорилъ, и просилъ даже, не выворачивать на–изнанку *луки*, не дѣлать изъ него акулы. *Изучать* надо намъ народный языкъ, спознаться черезъ него съ духомъ роднаго слова, и принимать или перенимать съ толкомъ, съ чувствомъ, съ растановкой. Освоившись съ упрямымъ и самобытнымъ духомъ роднаго слова, мы облагородимъ, обусловимъ и перенесемъ на родную, но болѣе тучную и воздѣланную почву, все то, что стоитъ пересадки, да пріурочимъ цвѣтокъ свой къ погодѣ и непогодѣ подъ открытымъ небомъ, а не къ теплицѣ. Изъ этого же слѣдуетъ, какъ и гдѣ мы будемъ пользоваться областными и мѣстными нарѣчіями: мы услышимъ чуткимъ ухомъ всякую разладицу съ духомъ звучнаго роднаго языка и устранимъ ее, какъ порчу; мы наоборотъ станемъ поживляться всѣмъ, въ чемъ найдемъ созвучіе, что идетъ подъ–стать и

масть, что можетъ обогатить языкъ словомъ или оборотомъ — или замѣнить несвойственный языку оборотъ и слово, хотя бы оно и было уже принято большинствомъ. Такимъ только путемъ слѣземъ мы исподволь съ ходуль, на которыя взбираемся нынѣ каждый разъ, когда беремся за перо. Удареніе, столь шаткое и знаменательное въ языкѣ нашемъ, должны мы изучать въ говорѣ народномъ — хотя и его также не станемъ принимать безусловно. Пушкинъ часто пользовался въ стихахъ народнымъ удареніемъ, вопреки общепринятому въ языкѣ письмовномъ. Наконецъ, самое произношеніе, говоръ черни, перенимать никогда почти не станемъ, а останемся при томъ, къ чему привыкло образованное ухо. Принявъ областное слово, мы будемъ произносить его по–своему, такъ точно, какъ и всякое иноземное слово — коли оно разъ принято у насъ — должно выговаривать Русской глоткой, переиначивая его такъ, чтобы Русскій человѣкъ, который говоритъ на одномъ только природномъ языкѣ своемъ,

могъ и написать и произнести слово это четко и чисто. На этомъ послѣднемъ, установленномъ самою природою правилѣ, основано образованіе всѣхъ безъ–изъятія производныхъ языковъ.

На Вяткѣ и въ Перми говорятъ *талы* вмѣсто глаза, *сильки* вмѣсто цыплята, *подѣковаться* вмѣсто потрунить надъ кѣмъ, посмѣяться; въ Сибири *чего* вмѣсто что, *чей вы, чьи вы*, вмѣсто кто вы или какъ васъ зовутъ, *шары* вмѣсто глаза, *буторъ* вмѣсто пожитки, скарбъ; Уральцы очередную лошадь называютъ *рѣзвою*, а перевязь и подсумокъ *штатами*, *крестами*; говорятъ: *суляй*, *наймовать*, вмѣсто суй, толкай и нанимать; въ Астрахани услышите: *восейка*, *шеврига*, *шабры* или *шабренки* — бѣдняга, севрюга, сосѣди; въ Оренбургѣ: *шарабара, ишакъ, тулаемъ, конфетчикъ* — пожитки, оселъ, гуртомъ или оптомъ, и лавочникъ, — услышите также, въ образованномъ кругѣ, *подойдите ко мнѣ, я вамъ что нибудь* (т. е. что–то) *покажу*; въ Тулѣ говорятъ: *харагодъ, харагодить* — т. е. хороводъ,

хороводить, — и вмѣсто пѣть, *играть* пѣсню; въ Олонецкой: *лопоть*, платье или одежда, а *бажоный,* милый; въ Суздали: *прочапить, сдобляться* — пролить, собираться; въ Новгородѣ, грибы *блицы*; во Псковѣ и въ Костромѣ, услышите *зятевья, братевья, братевьевъ* (*); вотъ областныя, мѣстныя выраженія, которыя могли бы испортить языкъ нашъ, а потому мы всего этого перенимать не станемъ. Но тамъ же, въ Сибири, въ Олонцѣ, на Дону, на Уралѣ, на Украйнѣ — словомъ всюду, гдѣ только живутъ Русскіе люди, вы услышите множество превосходныхъ, незамѣняемыхъ выраженій, которыя должны быть приняты въ письменный языкъ нашъ; это скажетъ вамъ Русское ухо и Русское чувство. *Заимка, хуторъ*, лучше нежели употребительное у насъ ферма; *марево* — лучше миража, а *путевникъ* лучше маршрута; *поличіе, подобень,* покрайней–мѣрѣ нисколько не хуже портрета; даже *окрутникъ* и *окрутница* можно бы употребить вмѣсто маски, тѣмъ болѣе, что

(*) Можете даже услышать и прочитать у насъ на вывѣскахъ: *овошенная* лавка, *ренсковой* погребъ и пр.

маскою называемъ мы и самую *личину* и переряженнаго. Вы услышите въ народѣ, что паутина, летающая осенью по лѣсамъ и полямъ, называется *тенетникомъ*; пушистый иней на деревьяхъ: *опокой*; ручка или дужка на ведрѣ или корзинѣ: *перевесломъ*, а звено ограды *прясломъ*; вмѣсто: остатки разложеннаго огня, вы, не опасаясь порчи языка, можете сказать *огнище*, что уже, по самому окончанію своему — пепелище, городище — указываетъ на остатки чего–то былаго (*); можете даже сказать: птица летитъ въ отлетъ *побудкой*, собака ищетъ *побудкой* — отъ побуждать, побужденіе — вмѣсто инстинктомъ, или какъ пишутъ у насъ нынѣ охотно: инстинктивно. Отъ такой переимчивости языкъ нашъ право не потерпитъ порчи, а напротивъ выработается изъ своего соку и корня. Чѣмъ писать или говорить: я попалъ изъ ружья слишкомъ высоко, или слишкомъ низко — намъ позволятъ, надѣюсь, сказать просто: я *обвѣсалъ*, *обнизалъ*; а какимъ словомъ вы

(*) Тоже окончаніе въ словахъ: топорище, кнутовище, показываетъ на часть цѣлаго, на принадлежность.

замѣните напримѣръ простонародное слово: *осунуться*? Вы конечно согласитесь, что оборваться, поскользнуться, значитъ совсѣмъ не то, и вынуждены будете обойти окольной дорогой версты или строчки въ три, объяснивъ, что осунуться — въ прямомъ и переносномъ смыслѣ, — значитъ: ступивъ неосторожно на сыпучую почву по окраинѣ яра, обрушиться въ него, вмѣстѣ съ осыпавшеюся землею. Такъ напр. неосторожный всезнайка, пустившись очертя голову судить и рядить на поприщѣ, ему не довольно знакомомъ, легко можетъ осунуться и юркнуть подъ яръ съ высокопарною галиматьею своею, къ общему увеселенію случайныхъ зрителей. *Накрыть, исплошить* непріятеля, спать *будко*, дремать *чутко*, рублемъ *простъ* буду (ставлю рубль закладу), овражки *заиграли* (снѣгъ таетъ, вода пошла оврагами) — и сотни другихъ подобныхъ выраженій и оборотовъ, могутъ казаться дикими, грубыми, однимъ словомъ неумѣстными въ письменности, только для нашего отчужденнаго отъ родины уха,

только тому, кому доступенъ лишь насыпной, искуственный верхній слой родной почвы, между тѣмъ какъ нѣдра ея поневолѣ остались для него на–вѣкъ не доступны.

Въ разговорѣ со мною по этому предмету, благомыслящіе люди, сознаваясь въ порчѣ нашего языка, оправдывались: журналисты тѣмъ, что пишутъ торопливо и на–срокъ, а сочинители книгъ тѣмъ, что у насъ къ другому языку не привыкли и даже не легко бы его поняли. Не ясное ли это обвиненіе, вмѣсто предположеннаго оправданія? Почему же мы, при спѣшномъ письмѣ, не можемъ писать по–Русски, почему же у насъ второпяхъ всегда выходитъ не Русскій оборотъ, составленный на–половину изъ иноземныхъ словъ? Развѣ такъ легче и скорѣе писать? Да, легче и скорѣе, потому что намъ родной языкъ чуждъ и мы, безъ усильныхъ потугъ, не родимъ Русской рѣчи и съ нею не справимся. Другое оправданіе не лучше перваго, хотя въ сущности и не менѣе справедливо; насъ не поймутъ — правда; но

кто же тутъ виноватъ, позвольте спросить, писатель, или читатель? Кто пріучилъ насъ къ этой искусственной, не родной намъ рѣчи, кто далъ намъ ту дурную падчерицу, для которой Русское сердце навсегда останется только невольной мачихой? Читатель тутъ лице чисто страдательное. Умѣйте пріучить его, и онъ привыкнетъ еще гораздо скорѣе къ хорошему, чистому и сильному родному языку, чѣмъ привыкъ къ дурному, искаженному.

Но что же мы дѣлаемъ, за–мѣсто того, что бы изучать языкъ и писать по–Русски? Мы пишемъ: *пора цвѣтенія*, *свѣтящійся червячокъ* (т. е. свѣтлякъ), *и однакожъ, мертвенный, исчезнутіе*, и пр.; о рубрикѣ, персонажахъ, ателье, консеквенціи, эрудиціи, концепціи, и подобныхъ диковинкахъ уже и говорить нечего, мы вводимъ ихъ съ какимъ–то особеннымъ тщаніемъ, для обогащенія языка. Не хочу называть никого, хотя это и стѣсняетъ меня, потому что было бы очень кстати сдѣлать разборъ языку и слогу болѣе извѣстныхъ у насъ писателей — но, воля

ваша, въ вымышленномъ языкѣ Афеновъ нашихъ гораздо болѣе Русскаго, чѣмъ во многихъ Русскихъ книгахъ; тамъ переиначеннымъ и вымышленнымъ словамъ данъ чисто Русскій складъ, Русская осанка и посадка, а рѣчь слѣпо слѣдуетъ прихотливому и неуловимому доселѣ для насъ своеобычаю нашего языка; мы не понимаемъ смысла, но слышимъ Русскій говоръ, Русскую рѣчь; она не обижаетъ нашего уха и сочетаніе словъ ея, даже образованіе каждаго слова, согласно съ духомъ языка; нашъ книжный языкъ напротивъ того деретъ и шерститъ какъ ворсильная щетка, тутъ Русскаго право иногда не болѣе того, какъ что изъ милости подаетъ наборщикъ: т. е. одни буквы. Но этого мало; вы скажете: гоняться за словами, это крохоборство; слова всѣ пригодны, всѣ обогащаютъ языкъ, лишь бы они, по свойству его, могли быть приняты и усвоены. Сущность языка — внутреннее достояніе и достоинство его — это свойства языка для сочетанія словъ, для образованія рѣчи, слогъ и складъ. Загляните–жь въ

любую книгу и разберите повнимательнѣе слогъ и складъ рѣчи; мы, къ несчастію, привыкли къ этой тарабарщинѣ и читая по верхамъ, пропускаемъ всѣ грѣхи мимо ушей; сверхъ того, у насъ есть нѣсколько писателей, которые ведутъ рѣчь свою искусно, сглаживаютъ и скрадываютъ удачно всѣ недостатки этого языка, слогъ у нихъ сладкій, рѣчь плавная, увлекательная, которая не споритъ ни съ одной изъ написанныхъ доселѣ Грамматикъ; — ихъ можно поставить въ примѣръ большинству писателей, которые ломаютъ безбожно Русское слово; но нельзя указать ни на одну статью, не только ни на одну книгу, какъ на образецъ роднаго языка, потому что роднаго еще никто себѣ не усвоилъ. Всѣ мы говоримъ, или покрайней мѣрѣ пишемъ: *онъ имѣетъ много времени — каждый изъ верхнихъ переднихъ зубовъ этого животнаго имѣетъ желобокъ* — тогда какъ эта неумѣстная вставка вспомогательнаго глагола противна языку нашему и не ведетъ ни къ чему; ни пути отъ нея, ни проку. У него много времени, онъ

богатъ временемъ, у него много досугу, свободнаго часу, или просто: онъ досуженъ (не досужливъ) — верхніе рѣзцы объ одной бороздкѣ, на верхнихъ рѣзцахъ по одной бороздкѣ — это, кажется, для Русскаго, и яснѣе и милѣе. *Работа эта не превосходила силъ его и притомъ согласовалась болѣе или менѣе съ наклонностями его* — это значитъ: работа посильная, и не постылая, не докучливая, не противная. *Жизнь наша коротка, а бѣдствій встрѣчаемъ много*; по–Русски: вѣку мало, горя много — и прочее, и прочее. Кто возметъ на себя трудъ, разобрать на этомъ основаніи любую книгу, тотъ убѣдится, что языкъ нашъ не въ барышахъ отъ преобразованія, бывшаго неминуемымъ слѣдствіемъ иноземнаго на него вліянія, хотя, повторяю, никто изъ насъ не въ состояніи замѣнить нынѣ же все дурное хорошимъ, все длинное короткимъ, все околичное и темное прямымъ и яснымъ, а пошлое и вялое выразительнымъ и сильнымъ.

И такъ, полагая послѣ этого, что одно только недоразумѣніе могло заставить кого нибудь утверждать: народнаго языка изучать не должно или не нужно — перейдемъ къ слѣдующему за тѣмъ возраженію: нельзя изгонять принятыхъ иноземныхъ словъ и нельзя замѣнять ихъ Русскими; потому, что или Русскихъ словъ нѣтъ, или ихъ никто не пойметъ.

Если мы станемъ вводить пригодныя Русскія слова исподволь, у мѣста, гдѣ онѣ ясны по самому смыслу, то насъ не только поймутъ, но станутъ даже у насъ перенимать. Это можно бы доказать множествомъ примѣровъ: сколько введено уже Русскихъ словъ на нашей памяти, начиная съ Карамзина? Переимчивость даже слишкомъ велика у Русскаго народа, и мы встрѣчаемъ въ письменномъ обиходѣ много дурныхъ словъ, пущенныхъ въ–ходъ взамѣну болѣе звучныхъ и выразительныхъ, которыя, вѣроятно, сочинителямъ первыхъ были неизвѣстны. Изъ этого и видно, что опасеніе: насъ не поймутъ — едвали основательно, и

относится во всякомъ случаѣ болѣе къ писателю, чѣмъ къ читателю. Почему же мы, коли у насъ не хватаетъ сподручнаго Русскаго слова, ни на минуту не призадумаемся выхватить его изъ любаго языка и напечатать, безъ дальныхъ околичностей, Русскими буквами? Развѣ мы подлинно убѣждены, что всѣ читатели наши должны знать всѣ Европейскіе языки и догадаться, откуда слово это взято и что оно значитъ? Развѣ мы въ самомъ дѣлѣ убѣждены, что большинство читателей пойметъ вновь вводимое иноземное слово лучше и яснѣе Русскаго, коли оно найдется? Нѣтъ, воля ваша, тутъ опять–таки вина падаетъ на писателя; ему иноземное слово знакомѣе Русскаго, онъ привыкъ соединять съ нимъ болѣе положительное, ясное понятіе, и вотъ почему онъ его и предпочитаетъ. Чтобы не было Русскихъ словъ, для замѣненія иноземныхъ — на это безусловно согласиться нельзя, да и не дошли мы еще далеко до того, чтобы употреблять послѣднія съ одной только необходимости,

а вставляемъ ихъ всюду, предоставляя наборщику переводъ. Мы часто не доискиваемся слова, которое отвѣчало бы иностранному во всѣхъ его многоразличныхъ значеніяхъ, это такъ; но въ данномъ случаѣ, почти всегда можно передать его, или прямымъ переводомъ, вполнѣ сохранивъ смыслъ, или же другимъ оборотомъ рѣчи, замѣнивъ, по свойству языка, существительное глаголомъ, нарѣчіемъ или прилагательнымъ. Случай этотъ встрѣчается часто, но мы изрѣдка только попадаемъ на родную колею; переводчики ищутъ большею частію именно *слова*, а не смыслу, и передаютъ намъ иностранныхъ писателей вяло, пошло, безцвѣтно, потому что переводятъ не свойственнымъ языку нашему слогомъ. Возмите для примѣра одинъ изъ новѣйшихъ переводовъ, хоть Англійскаго романа: *Путеводитель въ пустынѣ*. Я указываю на него потому только, что онъ у меня случился подъ–рукой, что мнѣ необходимъ примѣръ и что переводъ этотъ не хуже большей части другихъ переводовъ.

Потрудитесь прочитать любую страницу и замѣтить, сколько найдется на ней вопіющихъ грѣховъ противу роднаго слова? Столько, что рѣшительно не знаешь съ чего начать и чѣмъ кончить, а потому и остается только указать на не–Русское заглавіе романа, которое не обольщая насъ тщетной надеждой, показываетъ ужи, какъ вывѣска, чего намъ ожидать отъ самаго перевода. *Путеводитель въ пустынѣ* — прочитавъ это заглавіе, принадлежащее, кажется, къ высокому слогу граматы нашей, подумаешь, что какой нибудь добрый духъ, ангелъ–хранитель, если не звѣзда–путеводительница, оберегаетъ героя во время диковинныхъ приключеній; но чтобы путеводитель въ пустынѣ былъ за–просто: *степной вожакъ* — догадаться трудно, и смыслъ заглавія не отвѣчаетъ ни подлиннику, ни содержанію книги. Такой путеводитель называется у насъ *вожакомъ*, а такая пустыня *степью*, хотя бы на ней и были мѣстами горы и лѣса. Спрашиваемъ, отчего же простое, ясное заглавіе, которое всякій Русскій человѣкъ понялъ бы какъ

нельзя лучше, преобразовалось въ этомъ случаѣ въ вычурное, напыщенное, которое пойметъ только знакомый уже съ подлинникомъ, или съ высокимъ слогомъ (т. е. языкомъ) Русскимъ? Оттого, вопервыхъ, что мы умышленно избѣгаемъ народнаго слова, какъ не принятаго въ высокородное общество, и оттого, вовторыхъ, что мы и не заботимся узнать коренное, Русское выраженіе для предмета или понятія, а довольствуемся *образованнымъ* языкомъ своимъ, дополняя его по–нуждѣ, кто словами своего сочиненія, а кто иноземными. Искренно просимъ переводчика не оскорбляться нашей замѣткой; — необходимость примѣра заставила насъ указать на книжку, чего мы повозможности избѣгаемъ (*).

Изгонять принятыя слова — конечно, дѣло щекотливое и за это мы не беремся; мы даже, помнится, оговорились и въ первой статьѣ на этотъ счетъ, сказавъ: «мы не гонимъ общей анаѳемой всѣхъ

(*) Читая послѣ этого въ Москвитянинѣ хорошо переведенную статью: *Колишчизна*, мы и тутъ встрѣтили обмолвку, которая относится къ этомужь разряду: *летать крестомъ*, объяснено: пасть *навзничь* — тогда какъ *навзничь* значитъ пасть на затылокъ, а лицемъ напередъ — *ничкомъ*.

иноземныхъ словъ изъ Русской рѣчи.» Я думаю, что дурное изгонится само собою, будетъ забыто, если мы только найдемъ чѣмъ его замѣнить, если разберемъ и обусловимъ напередъ свои домашнiе запасы. Все что попало въ эту окрошку, въ нынѣшнiй граматный языкъ нашъ, несъѣдомое или неудобосваримое для Русскаго желудка, то не пойдетъ въ кровь и мясо, а выкинется и забудется. Но для этого все–таки необходимо, напередъ всего, заботиться о томъ, чтобы у насъ былъ заготовленъ достаточный запасъ своей, здоровой пищи. Личностей нѣтъ у меня ни съ однимъ принятымъ словомъ; но читатели и писатели, надѣюсь, согласятся, что между словами: *сапогъ, кушакъ, журналъ* — и какими нибудь *газонами, кадаверами, кавирнами,* есть разница; не менѣе того послѣднiя диковинки встрѣчаются нынѣ у навязчивыхъ самоучителей нашихъ. Пусть же отъ нихъ добрѣетъ и тучнѣетъ самъ хозяинъ–сочинитель; гостей–читателей отъ такого блюда ину–пору съ души скинетъ. Принимать и вводить подобныя слова — въ

этомъ нѣтъ человѣческаго смыслу, и объяснить это можно только тѣмъ, что люди пишутъ иногда самонадѣянно, на чуждомъ для нихъ языкѣ.

Но важнѣе словъ, которыя могутъ еще иногда быть признаны удачно и пріурочены къ нашей почвѣ, важнѣе словъ складъ рѣчи, слогъ и обороты: это связано до того тѣсно со своенравною грамматикою языка, что въ не–Русскомъ оборотѣ рѣчи, у слова нашего не только отымаются руки и ноги, а отымается языкъ: онъ коснѣетъ и нѣмѣетъ. Духъ языка требуетъ, для ясности, точности, краткости и силы — глагола или нарѣчія; а мы, привыкнувъ видѣть на этомъ мѣстѣ въ другихъ языкахъ существительное, ставимъ существительное, ломаемъ остальное по силамъ своимъ и разуму, не заботясь о томъ, что изъ этого выйдетъ. Если напримѣръ насъ заставляютъ читать: *при возникновеніи литературы* — то неужели еще полагаютъ вдобавокъ увѣрить насъ, что это по–Русски, или что нельзя было обойтись безъ этого безподобнаго оборота, по недостатку на

языкѣ нашемъ словъ, для поясненія самобытныхъ мыслей писателя? Если мы станемъ изучать языкъ свой тамъ, гдѣ онъ стоитъ еще на своемъ корню, не подкошенный, и живетъ на своемъ сокѢ, гдѣ не могъ быть вывороченъ на–изнанку и изуроченъ, то набьемъ руку и ухо, найдемъ для всякой мысли свой оборотъ, свои слова — или покрайней мѣрѣ не удалимся отъ своеобычій, отъ самобытности и духа языка, а станемъ избѣгать слабой стороны его и пользоваться превосходствами и преимуществами его. Если же мы станемъ чуждаться этого источника, то необходимо будемъ увлекаться все дальше и дальше отъ самостоятельной Русской рѣчи, обратимъ ее мало по малу въ пошлую болтовню, которая усвоитъ себѣ всѣ плоскости и общія мѣста болтовни иноземной, но ни силы, ни красоты, ни другихъ достоинствъ чужихъ языковъ мы не переймемъ. Если мы будемъ чуждаться своего источника, то родной струи не напьемся, хотя она и бѣжитъ у насъ подъ ногами.

Дальше: языкъ — говорятъ — долженъ обработываться по языкамъ болѣе образованнымъ, утонченнымъ; обратиться нынѣ къ языку народному, значило бы пятиться назадъ.

Нѣтъ спору, что общая задача для всѣхъ словесниковъ, говоря собственно о языкѣ, состоитъ въ выработкѣ его для точнаго выраженія всѣхъ оттѣнковъ людскихъ чувствъ и мыслей, будь онѣ подлинныя или переводныя. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы намъ дозволено было коверкать свой языкъ по слогу и складу языковъ иноземныхъ, и еще менѣе допустить можно, чтобы такое ремесленное понятіе и работа принесли какую нибудь пользу. Мы сей–часъ только говорили о томъ, что черезъ такую неумѣстную переимчивость языкъ нашъ усвоилъ бы себѣ всѣ грѣхи и недостатки другихъ языковъ, но никогда не воспользовался бы ихъ красотами и достоинствами, потому что это общая и неминуемая участь всѣхъ подражателей, и что истинная красота и достоинство языка не можетъ быть

нажитымъ добромъ, а должно заключаться въ коренныхъ его свойствахъ. Отъ насъ требуютъ и ожидаютъ не того чтобы мы перетянули рѣчь свою на чужомъ болванѣ, а чтобы мы удержали ее на природномъ ея пути, дали ей просторъ и раздолье въ своемъ, коренномъ руслѣ. Пиши такъ, какъ написалъ бы на твоемъ мѣстѣ даровитый иностранецъ, если бы онъ былъ Русскій — но не ходи за нимъ гуськомъ, ступня въ ступню, а протори свой путь, пройдись по немъ своей походкой, не ломайся на чужой ладъ, пройдись какъ прошелъ бы образецъ твой, будь онъ не только на твоемъ мѣстѣ, а въ твоемъ тѣлѣ. Нѣмецъ говоритъ: это не хорошо выглядитъ; Французъ: это удивляющее дѣло; Англичанинъ: каждый человѣкъ ничего не знаетъ — это хорошо для него; Русскій скажетъ: это ни на что не похоже, это больно не казисто, очень не взрачно; удивительное, дивное дѣло; никто ничего не смыслитъ, ни одинъ человѣкъ аза въ глаза не знаетъ; это никуда, ни къ чему не годится, никуда не годно, не гоже. Примѣры эти конечно очень не

замысловаты; но они покрайней мѣрѣ ясно показываютъ, о чемъ у насъ идетъ рѣчь, чего мы добиваемся, и по простотѣ и ясности своей не могутъ, кажется, подпасть пересудамъ и кривотолкамъ. Наберите самыхъ хитрыхъ и замысловатыхъ оборотовъ, по какимъ угодно прямымъ и переноснымъ, насущнымъ и отвлеченнымъ понятіямъ, и вы конечно найдете тоже. И такъ, намъ надобно добиваться того, чтобы высказать ясно, отчетисто и звучно, все то, что другіе могутъ вымолвить на своемъ языкѣ; но высказать такъ, какъ оно должно отозваться въ Русскомъ умѣ и сердцѣ, сорваться съ Русскаго языка. Послѣ этого объясненія, нельзя уже, кажется, сказать, чтобы тотъ, кто держится изложенныхъ началъ, пятился назадъ; онъ только старается твердо помнить зады, и шагая впередъ, постоянно на нихъ опирается. Скачками на–удачу, вправо и влѣво, можно нахватать много посторонняго, да торной дороги не проложишь, а съ кореннаго пути того и гляди собьешься.

Остается еще странное мнѣніе — хоть оно и было высказано заслуженными людьми — что намъ вовсе нечего заботиться о родномъ словѣ своемъ: оно–де живетъ міровою жизнію своею, спѣетъ и зрѣетъ вѣками или годами, какъ судьба порядитъ, и выработается въ свое время, къ сроку, какъ ему быть суждено, въ какую бъ сторону мы ни порывались.

Мнѣніе это заключаетъ въ себѣ что–то роковое и слѣдовательно довольно горестное; дѣлай что хочешь, трудись сколько силъ есть, а все тщетно, все ни къ чему, судьба всѣхъ насъ увлекаетъ. Если принять возраженіе буквально въ этомъ смыслѣ, то надо передать споръ нашъ — едва ли не въ богословіе или покрайней мѣрѣ въ область философіи, а на этомъ полѣ мы напередъ кладемъ ружье: не по силамъ встрѣча. Но если мнѣ скажутъ: не роковая судьба, въ смыслѣ мусульманскомъ, а собственно міровая жизнь рѣшаетъ участь языка, т. е., дѣла, событія, обстоятельства, никѣмъ напередъ не разгаданныя и безъ умыслу

уготовленныя, даютъ всему въ мірѣ — и слову и словесности нашей — направленіе, цвѣтъ, масть, ладъ и строй; — то я спрошу уже посмѣлѣе: а кто же придаетъ этому общему потоку извѣстное направленіе, кто обусловливаетъ, хотя большею частію и безсознательно, общее стремленіе это, если не люди? Слѣдовательно люди, мысли ихъ, дѣла и покушенія, если онѣ дружны, усильны, не могутъ остаться безъ вліянія на будущность вообще, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на судьбу роднаго слова. Мы, помнится, начали первую статью свою объ этомъ предметѣ, едва ли не слишкомъ длиннымъ вступленіемъ: о міровой и вѣковой жизни народовъ, наукъ, искусствъ, всѣхъ знаній среди человѣчества; мы вѣруемъ въ эту міровую жизнь, но не въ смыслѣ восточной роковой судебы — будеть что будетъ — а полагаемъ, что самая жизнь эта и движеніе въ ту или въ другую сторону, обусловливается стремленіемъ и направленіемъ большинства; и, признавая въ каждомъ изъ насъ свободную волю, допускаемъ не только вліяніе каждаго изъ

сотрудниковъ по той или другой части на цѣлое, но убѣждены даже, что ходъ и направленіе цѣлаго, или міровая жизнь эта, составлена и срощена изъ безконечныхъ отрывковъ частныхъ усилій и направленій. Да какъ же оно и можетъ быть иначе? Если каждый гражданинъ, одушевленный общею мыслью, внесетъ свою лепту, свой шелегъ и пенязь, то соберется огромная казна; если каждый писатель будетъ изучать родной языкъ свой и держаться стихійныхъ его основаній, тогда наконецъ и слово наше необходимо должно выработаться въ этомъ же духѣ, изъ стихійныхъ началъ своихъ, и читатели и писатели поневолѣ будутъ уже слѣдовать проложеннымъ путемъ. Спрашиваемъ еще: долженъ ли писатель изучать прилежно языкъ свой, или же онъ можетъ, полагаясь на міровую жизнь языка, писать какъ угодно — чтобы не сказать какъ ни попало — въ твердой увѣренности, что не смотря на малограмотность его, писателя, родное слово выработается и образуется, коли угодно Аллаху, по–своему, наперекоръ

всѣмъ безграмотнымъ попыткамъ вѣрующихъ въ фатализмъ грамотѣевъ? Доселѣ кажется всѣ соглашались въ томъ, что первое дѣло для писателя — изучать языкъ свой; соглашались, никакъ, и въ томъ также, что письменный языкъ образуется писателями; попрекали нерѣдко тому или другому, что онъ, изловчившись много писать и много печатать, пріучаетъ насъ къ своему дурному языку и слогу, и портитъ языкъ Русскій. Если все это справедливо, въ чемъ, кажется едва ли, можно поспорить, то нельзя и не согласиться, что степень знанія писателями языка, самый образъ изученія его и усвоеніе тѣхъ или другихъ началъ, непремѣнно должно обнаруживать сильное вліяніе на живой языкъ нашъ, и въ особенности на языкъ письмовный.

Но игра не стоитъ свѣчъ, говорятъ другіе, все равно такъ ли, иначе ли мы писать станемъ, въ этомъ нѣтъ никакой важности, лишь бы слово наше не отставало отъ общаго образованія, шло въ ногу съ нимъ и выражало вполнѣ то, чего требуетъ

современная духовная жизнь. Но въ томъ–то и дѣло, господа, что языкъ не пойдетъ въ ногу съ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ, не будетъ отвѣчать современнымъ потребностямъ, если не дадутъ ему выработаться изъ своего соку и корня, перебродить на своихъ дрозжахъ; пошлость, вялость и околичность искусственной рѣчи нашей происходятъ собственно отъ того, что мы покидаемъ родной, свойственный языку нашему способъ выраженія и перетягиваемъ рѣчь свою по новому болвану, съ котораго сымаемъ ее не рѣдко Тришкинымъ кафтаномъ. Всѣ мы знаемъ, что Русская рѣчь длиннѣе едва ли не всякой иной; переводъ на нашъ языкъ занимаетъ всегда гораздо болѣе мѣста, чѣмъ подлинникъ, даже переводъ со Словянскихъ же нарѣчій; всѣ мы нерѣдко на это жалуемся, видимъ что это дурно, что это разноситъ, разсыропливаетъ и прозу и стихи; но всѣ мы усердно стараемся растянуть Русскую рѣчь еще шире и длиннѣе, отъ незнанія языка своего, отъ ломки его по несроднымъ

ему образцамъ. Способъ выраженія, складъ рѣчи, даютъ каждому рѣченію полуторный противу должнаго объемъ, да сверхъ того еще и самыя слова нерѣдко выходятъ изъ печи нашей огромныя, многосложныя, будто набранныя для какой нибудь скороговорки. Спрашиваю, найдется ли кто нибудь между нами, кто бы вздумаль отстаивать такой соръ и мусоръ, какъ благопріобрѣтенное богатство языка? Глядите: вотъ вамъ цѣлыя груды взятыхъ напрокатъ иноязычныхъ глаголовъ, которые не лѣзутъ въ кузовъ нашъ безъ надѣлокъ, безъ долговязыхъ, приварныхъ хвостовъ, могущихъ уже по себѣ стать подъ мѣрку и потягаться съ самыми длинными иноязычными словами; вотъ цѣлый поѣздъ нашихъ доморощенныхъ существительныхъ, передѣланныхъ своими трудами изъ природныхъ и настоящихъ Русскихъ словъ, съ навѣской какихъ–то дикобразныхъ хоботовъ; а вотъ наконецъ и западная сила наша, запасецъ громоздкихъ, выкованныхъ склепкой и сваркой составныхъ словъ, коими долгомъ считаемъ

гордиться по мѣрѣ силъ своихъ, потому что они, какъ мы полагаемъ, Русскія — и сверхъ того еще собственнаго нашего издѣлія. Дайте этимъ господамъ пожалуста монополію, чтобы никто не смѣлъ покорыстоваться этими словами, кромѣ самого сочинителя ихъ: это будетъ полезно не только собственно для господъ изобрѣтателей, но и для насъ и для потомковъ нашихъ. Почему же и не склепывать по 2 и по 3 слова въ одно? Вѣдь на Греческомъ языкѣ легко связываются каждыя два, три слова, на Латинскомъ почти также; и Нѣмцы говорятъ: Schlafmütze, Fingerhut, Handschuh; и Французы также: bâteau à vapeur, fer à repasser — или тѣ и другіе принимаютъ сложное Латинское, Греческое слово. Но у кого есть ползолотника Русской сметки, тому невольно придетъ на умъ, что народъ Русскій говоритъ: *перчатка*, *наперстокъ*, *игольникъ*; говоритъ: *слизнякъ*, а не слизоживотное, *нутрякъ, нутровой* — а не внутренностный, или –*ое* животное; что есть, для избѣжанія сложныхъ,

неуклюжихъ словъ, окончанія на: ахъ, яхъ, ухъ, юхъ, ыхъ, ихъ, анъ, инъ, онъ, унъ, атка, итка, ецъ, ица — словомъ, тьма окончаній, да кромѣ того еще придаточные предлоги, и что по этому самому и надобно образовать слова изъ одного только, главнаго понятія о предметѣ, посредствомъ этихъ окончаній, и, если угодно, предлоговъ; тутъ столько средствъ, столько богатства, столько разныхъ оттѣнковъ, что Русскій человѣкъ въ карманъ за словомъ не полѣзетъ; да намъ–то оно не дается, потому что мы не съ того конца за дѣло беремся, нѣтъ у насъ на то ни ухватки, ни снаровки. Отъ *молока*, напримѣръ, народъ составилъ: молочникъ, молочница, молочная (комната), молоканъ, молочай, молоки — и можно бы, безъ всякой натяжки, образовать: молочнякъ, молочатка, молочанъ, молочецъ и пр. — Отъ глагола *ступать*, или покрайней мѣрѣ отъ одного съ нимъ начала, образовались: поступь, ступень, ступня, ступка, ступа, ступица, стопа; далѣе: студить, студень, остуда, стужа, студенецъ, простуда; огонь,

огневикъ, огнянка, огневка, огниво, огнище, огнищанинъ и пр. Вотъ взятые на–обумъ, на выдержку примѣры, изъ коихъ видно, какъ Русскій изворачивается однимъ словомъ, давая ему чрезъ окончаніе и предлоги различное значеніе, тамъ, гдѣ Французъ и Нѣмецъ складываютъ новое понятіе изъ двухъ или трехъ словъ, соединяя два или болѣе понятія въ одно. Мы слѣпо и безразсудно подражаемъ этому, на–перекоръ своему языку, а потому и сами виною постепенной порчѣ его.

Спрашиваемъ нелицепріимнаго читателя, можно ли послѣ всего этого говорить, что языкъ выработается самъ собою, что это не наша забота? Если я пущу въ ходъ какое нибудь *внутренностное исчезнутіе слизоживотнаго*, которое, переходя изъ рукъ въ руки, переживетъ можетъ быть цѣлое поколѣніе, то не мнѣ ли подобаетъ вся честь и заслуга этого изобрѣтенія, не на мнѣ ли ляжетъ и отвѣтственность? Если я, завладѣвъ покупкой или передачей какимъ нибудь повременнымъ изданіемъ, съумѣю

поддержать его — ужь конечно не чистотою языка, а другими средствами, — и добуду на него довольно читателей, пріучу ихъ исподволь къ *газону, кадаверу, каверны* и еще сверхъ того къ тарабарскому складу рѣчи, если молодые читатели мои и сотрудники подрастутъ и въ письмѣ ихъ отзовутся тѣ же начала, на которыхъ они выросли? — Обвинять въ такомъ случаѣ судьбу, рокъ, сваливая съ плечъ своихъ весь грѣхъ, значитъ разыграть въ лицахъ басенку о дервишѣ и дьяволѣ, который съ любопытствомъ подсматривалъ какъ пекутъ яйца на свѣчѣ, между тѣмъ какъ на него же хотѣли свалить всю вину такого соблазну.

Нѣтъ; или убѣжденіе во мнѣ такъ сильно, что не видитъ вашего свѣту среди своихъ потемковъ, или я правъ, я бы могъ — да можетъ быть и слѣдовало бы — указать на нѣсколькихъ отборныхъ, въ отношеніи языка, писателей нашихъ, а потомъ выписать изъ нихъ нѣсколько примѣровъ тому, *какъ* у насъ иногда и лучшіе, благонамѣренные и свѣдущіе люди переиначиваютъ, по привычкѣ, Русскую

рѣчь на чужой ладъ — но не желая называть никого, чтобы не вдаваться въ личности, коихъ искони бѣгаю, ограничиваюсь этими общими замѣчаніями и необходимыми только примѣрами. У меня на–сердцѣ лежитъ *дѣло*, а не доброхотство къ одному и нападки на другаго; сверхъ того, читатели наши слишкомъ пріучены вспоминать по–неволѣ часто пословицу: рука руку моетъ, и не довѣряютъ, по справедливости, взаимнымъ похваламъ друзей и пріятелей. Вотъ другая причина, почему я не назвалъ никого изъ близкихъ мнѣ, хотя они и могли бы служить образцомъ для большинства. Вѣрное, неподкупное чувство мыслящаго и смышленаго читателя перечтетъ ихъ по пальцамъ безъ моей указки, тѣмъ болѣе, что всѣ почти они приходятся мнѣ старшими братьями, и расправы чинить надъ ними мнѣ не къ–лицу. Лѣтъ больше двадцати у меня на умѣ постоянно одно, я свыкся и обжился съ этою мыслью, мнѣ она своя; иному она можетъ статься еще дика и несподручна. Какъ бы то ни было, а

я желалъ пути и добра, принявшись за статью свою, и теперь еще твердо надѣюсь, что найдутся люди, которые откликнутся Русскимъ *исполатъ* и *Богъ на–помочь!* а мнѣ только того и надо, тогда зернышко ужь не пропадетъ, пашня наша не заглохнетъ.

Еще словечко на прощанье: мнѣ было сказано между прочимъ, по поводу статьи моей: «да ты же самъ какъ пишешь? И у тебя попадается не Русская, или дурно сложенная рѣчь.» Прямиковое слово это меня было немного озадачило; развѣ я когда нибудь и кому нибудь хвалился, что пишу образцовымъ языкомъ, что достигъ того, чего, какъ видно, кажется, изъ статьи моей, никто, по моему мнѣнію, не достигъ? Это выказало бы какую–то несвойственную мнѣ самонадѣянность и неумѣстно самодовольное о себѣ самомъ мнѣніе. Никогда у меня этого не было на умѣ; но думаю, и увѣренъ въ томъ, что если мы не будемъ оберегать взаимно другъ друга, подсказывать и поправлять коли кто обмолвится или ошибется, то не будемъ

поучаться и исправляться въ сродныхъ каждому изъ насъ недостаткахъ. Я убѣжденъ, что изучать языкъ нашъ должно такимъ родомъ, такимъ путемъ, какъ я за него взялся; но въ успѣхахъ своихъ не зазнавался, а знаю напротивъ того положительно, что грѣшу вопреки волѣ и намѣренія своего нерѣдко, потому что родился и живу подъ тѣми же обстоятельствами и отношеніями какъ и другіе. *Доброй воли на доброе дѣло* подайте — и я тутъ первый, этимъ похвалюсь, коли къ тому рѣчь пошла; а что дальше будетъ — пусть разсудятъ внуки наши, когда станутъ умнѣе насъ.

В. ЛУГАНСКІЙ.